

ны / под ред. В.С. Леднева, Н.Д. Никандрова, М.Н. Лазутовой. М. : «ТЦ Сфера», «Прометей», 1998.

10.Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М. : Просвещение, 2011.

11.Яковер Л.Б. Краткий справочник по Отечественной истории. М., 1994.

12.Примерная основная образовательная программа среднего общего образования [Электронный ресурс] С:/Users/Schornsteinfeger/Desktop/документы/ПроП ОУ/Примерная основная...

13.Федеральный портал «История России» [Электронный ресурс] <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/istoriko-kul-turnyi-standart>

УДК 94 (47) : 930.85

ББК 4402(235.55)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

И.М. Клименко

Екатеринбург

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ТЕОРИИ И МЕТОДИКЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1917-1919 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Новая свободная школа; трудовая школа; всеобщее образование; государственная централизация образования; перестройка содержания образования; отсутствие методического опыта.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам становления новой школы в постреволюционный период на Урале. Теоретические положения трудовой школы заложены в теории инструментальной педагогики. Представители красного и белого движения имели достаточно близкие представления о новой школе. Проанализированы основные отличия их взглядов в период с октября 1917 г. по июль 1919г.

I.M. Klimenko

Yekaterinburg

**REVOLUTIONARY CHANGES IN THE THEORY
AND METHODS OF SCHOOL EDUCATION IN 1917-1919.
(ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG)**

KEY WORDS. New free school; labor education; universal education; state centralization of education; the restructuring of educational content; lack of methodological experience.

ABSTRACT. The article is devoted to problems of a new school formation in the post-revolutionary period in the Urals. Theoretical provisions of the labor school founded in the theory of instrumental pedagogy. The Red and the White movement had fairly similar ideas about the new school. The basic difference in their attitudes in the period from October 1917 to July 1919.

Вся внутренняя логика развития теории образования предполагает в определенные времена примерно одинаковые философские методологические подходы, некоторые совершенно неизбежные стратегические решения. Это предопределяется самим ходом общественного развития, накопившимися противоречиями и ожиданиями. Многочисленные социальные микростолкновения, нарастающее недовольство педагогов, учащихся, родителей стимулируют самые разнообразные социальные слои к поиску новых вариантов. Глобальный социальный катаклизм, которым являлись события революции 1917 года и гражданской войны, резко ускорил начало и ход процесса радикального преобразования народного образования. С одной стороны, в развитых странах мира, и в самой России уже накопилось немало прогрессивных предложений со стороны общества, практиков и теоретиков образования. С другой стороны, революция смела прочь все заграждения, которые устанавливало царское правительство, пытаясь сохранить устаревшие теоретические подходы, содержание и методику обучения и воспитания.

После победы Февральской революции Россия превратилась в одну из самых демократических стран Европы. Новая власть провозгласила в России политические права и свободы (слова, собраний, совести, печати, союзов, манифестаций); были отменены сословные, национальные и религиозные ограничения, смертная казнь, военно-полевые суды, объявлялась политическая амнистия, явочным порядком вво-

дился 8-часовой рабочий день. Был издан закон о собраниях и союзах, провозгласивший свободу профессиональных объединений. Рабочие получили право на восстановление демократических организаций, запрещенных в годы войны, создание профсоюзов, фабрично-заводских комитетов. Все пути дальнейшего прогресса на пути буржуазного развития были открыты.

Однако крайне левая часть революционеров, во главе с В.И. Лениным, решительно противостояла подобному развитию событий и вела активную работу по использованию новых демократических возможностей в целях установления новой, невиданной ранее власти – власти пролетариата и беднейшего крестьянства. Политическим лидером этой борьбы собственно и была партия большевиков. А в случае победы она же становилась и главным бенефициаром. Учитывая ту роль, которую сыграли большевики в период февральской революции, надеяться на то, что они сами отдадут власть буржуазным демократам, было невозможно. Так и сложилось, что в стране фактически появилось две власти. Одна – верхушечная, буржуазно-демократическая, которая была представлена Временным правительством, его органами на местах (комитеты общественной безопасности), местным самоуправлением (городским и земским). Вторую ветвь власти олицетворяли Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, солдатские комитеты в армии и на флоте.

Главный вопрос – вопрос о власти. И в этом отношении ультрареволюционная пропаганда большевиков не давала никаких шансов на компромисс. А вот по вопросу об уничтожении старой школы и создании новой, обе силы находились на гораздо более близких позициях. Как буржуазные, так и пролетарские революционеры осознавали необходимость преодолеть вопиющие недостатки старой школы: зубрежку, психологическое давление, жестокий контроль не только в школе, но и за ее пределами, метафизичность, отрыв от реальной жизни и прочие. Преобразователи жизни из противостоящих лагерей искали новые решения и находили примерно одинаковые ответы. Главное отличие заключалось не столько в том, что они предполагали менять, а в методах этих изменений. В период революции и гражданской войны на Урале, как большевики, так и «демократическая контрреволюция» находились в одинаковом отношении к реформированию образования: «Старой школе – нет!» Это единство отмечали и современ-

ники. Так, например, в программной статье Д. Тесовского, опубликованной в московском журнале «Новая школа», отмечалось, что не только «педагогическая пресса, родительские и учительские организации, органы местных самоуправлений и комитеты общественных организаций, а в последнее время даже сама центральная правительственная власть – все они выразили единодушное осуждение постановкой школьного дела...» (1). Только у белого движения эта позиция сопровождалась и на словах, и на деле лозунгом «Вся власть – Учредительному собранию», а у красных, лозунгом «Вся власть – Советам». Естественно, каждый из этих лозунгов предполагал особое содержание гуманитарного образования. Но в рассматриваемый период кардинальное расхождение в содержании было явно выражено только в отношении преподавания Закона Божьего. Обе стороны применяли понятие «свободная и демократическая школа». Но уже в послеоктябрьский период большевистские активисты начали внедрять в школу принципы классовости и партийности.

Коренное переустройство устаревшей системы образования было уже подготовлено, как с мировоззренческой точки зрения, так и инфраструктурно.

Во-первых, опираясь на достижения педагогической науки начала XX века, в первую очередь – американской, российские теоретики образования сумели представить на обсуждение общественности новые научные концепции. Главными идеями этих концепций являлись: - демократизация внутришкольных отношений; - светский характер обучения; - всеобщность образования; - развитие школьного самоуправления. В центре внимания находилась концепция «трудовой школы», которая, пусть с различных позиций, но соответствовала интересам всех социальных групп и позволяла добиться консенсуса общества в вопросе построения единой школы.

Фактически, в дореволюционный период уже была выработана новая модель школы, предполагавшая единство и преемственность образования под контролем государства, но при местном самоуправлении; всеобщее бесплатное начальное образование; центральную роль личности ребенка; тесную связь семьи и школы; демократизацию учебного процесса и трудовое обучение. Возможная структура и содержание образования были представлены в революционном для своего времени проекте реформы школы, предложенной в 1915–1916 гг. министром просвещения П.Н. Иг-

натъевым. Все проекты реформы, в том числе элементы трудового воспитания, были отклонены царским правительством. П.Н. Игнатъев обратился 27 декабря 1916 (9 января 1917) года к царю с просьбой снять с него «непосильное бремя служения против велений совести» (2). На следующий день он был уволен в отставку. Проект не был реализован. Однако заложенные в нем идеи явились источником большинства преобразований, как большевиков, так и многочисленных местных временных правительств, включая Колчаковское.

Во-вторых, до революции Пермское земство постоянно уделяло внимание школьному строительству, открывая ежегодно в среднем 27 новых школ. К началу 1917 года Екатеринбургский уезд лидировал по показателю охвата детей начальным образованием, демонстрируя выдающийся показатель – 74%. Не прекращалось школьное строительство и в течение первой мировой войны, а к 1917 г. формирование школьной сети было в основном завершено.

До октября 1917 года непосредственное руководство образованием осуществляло прежнее Министерство Народного Просвещения (МНП). С 9 ноября 1917 г. эти же функции выполняет Государственная комиссия по народному просвещению возглавляемая наркомом А.В. Луначарским, а с июня 1918 г. Наркомпрос. На территориях, подконтрольных Колчаковскому правительству в годы гражданской войны, те же задачи решало МНП. Как известно советская власть в Екатеринбурге была ликвидирована 25 июля 1918 года, а восстановлена 14 июля 1919 года.

Одним из важнейших вопросов образовательной политики был вопрос о всеобщем образовании. Декрет ВЦИК Советов «О единой трудовой школе РСФСР» опубликован 16 октября 1918 года. Однако курс на всеобщее образование был принят в Пермском земстве задолго до этого. Его реализации мешали многие факторы: непонимание важности образования родителями, недостаток финансирования, отсутствие подготовленных учительских кадров и другие. С этими же трудностями столкнулись и большевики. Принципиальная установка на ускоренное проведение всеобщего обучения сохранялась, но выполнить ее в условиях военно-политической нестабильности и противостояния большинства учительства радикальным переменам, во многом подрывающим учебную дисциплину, было невозможно.

Омское МНП также планировало реализацию принципа всеобщего обучения на территории своего влияния. На выполнение этих планов отводилось 10 лет и финансовые затраты в размере более 336 миллионов рублей. При этом доля затрат на осуществление программы всеобщего обучения, из общего объема ассигнований на образование составляла тот же процент (62%), что и до революции.

Конечно, отличались и методы вовлечения населения в образовательный процесс. Если МНП проводило реформы постепенно, эволюционно, то большевики обеспечивали успех за счет волевого организационного давления, вплоть до уголовного наказания за уклонение от занятий.

Основополагающим положением педагогики революционного этапа выступала идея Трудовой школы. Уже в дореволюционный период она была востребована обществом и развивалась в теории педагогики. Были и попытки апробации данного подхода. В дореволюционный период Пермское земство совместно с Дирекцией народных училищ предпринимало попытку трудового обучения и воспитания при помощи профессионализации начальной школы, а также детских клубов и внешкольных учреждений. В программы включались такие предметы, как ручной труд, рукоделие, лепка и другие, формирующие навыки полезные в обычной жизни.

По мнению историка А.А. Кальсиной «Концепция трудовой школы привлекала теоретиков педагогики своим «рамочным» характером, потенциальной возможностью реализовать в различных культурно-исторических и экономических условиях собственные образовательные ценности, увязав их с конкретной социально-политической ситуацией. Концепция трудовой школы выступала краеугольным камнем в дооктябрьской модели школы» (3).

Данная концепция опиралась на идеи выдающегося американского философа и педагога Джона Дьюи (1859-1952). Он знаменит не только как яркий представитель прагматического направления педагогики, но и как автор собственной педагогической теории, которую он сам называл инструментальной педагогикой или инструментализмом. Характерной чертой этой модели является формирование самостоятельности у детей. По его мнению, в обучении необходимо реализовать единство учебной, трудовой и игровой деятельности. Опытом и знанием школьник должен овладевать в ходе

взаимодействия с обучающей средой, нахождения ответов на сложные вопросы, изготовления различных материальных объектов.

В начале 20-х годов работы Д. Дьюи выдержали 14 изданий (4). Это демонстрирует популярность его идей в послереволюционной России. Реформирование школы вызвало дискуссии внутри большевиков. В Москве сторонники радикального курса выступали за полный отказ от старой школы, включая «царских» педагогов. Идеальной моделью они представляли школу-коммуна без обязательных программ и классно-урочной системы; преподавать в ней должны были только коммунисты. Петроградская группа, при поддержке руководства Наркомпроса (А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, Л.Р. Менжинского) предлагала создание единой трудовой школы при сохранении лучших традиций старой российской школы. Сохранялась классно-урочная форма, система домашних заданий, а главное – привлекались опытные учительские кадры.

Трудовая школа находилась и в повестке МНП правительства А.В. Колчака. Одним из последователей взглядов Д. Дьюи был известный пермский профессор Николай Ефимович Румянцев. В феврале 1919 года он выступил с программной лекцией «Свободная трудовая школа» в Екатеринбурге в зале Земской управы. Лектор отметил, что прибыл из Омска «где получил полное одобрение со стороны Министерства Народного Просвещения на пропаганду новой школы». Раскрывая содержание новой школы, Н.Е. Румянцев, в частности заявил: «Как государство, так и школа – колыбель гражданственности должна в основе своей представлять товарищескую самоуправляющуюся ячейку, спаянную внутри творческим трудовым началом в познании окружающего мира и истории его происхождения» (5).

Автор статьи в газете «Наш Урал» с удивлением отмечал: «Представитель официальной науки донес то новое слово в области педагогики, которое до сего времени преследовалось как нечто нелегальное, а теперь ставшее лозунгом реформации педагогического дела» (6).

Раскрывая содержательные аспекты трудовой школы, профессор Румянцев фактически пропагандировал идеи инструментальной педагогики: «Новая школа приспособляется к индивидуальным особенностям и наклонностям учащихся, представляя им свободно увлекаться научением тех вопросов знания, к которым они чувствуют особенное влечение, не насилуя способностей обязательными курсами»;

«...изучение понимания, критическое отношение к познаваемому, а не механическое заучивание и воспринимание на веру к авторитету» (7).

Судьба яркого пропагандиста идей трудовой школы оказалась подобна судьбе педагогических новаций МНП. Отступая вместе с частями Белой армии, Н.Е. Румянцев умер от тифа в Томске в конце 1919 года.

Преследуя цель создания крестьянской интеллигенции, МНП правительства А.В. Колчака в 1919 г. выделяло средства для создания Высших крестьянских школ, которые помимо трудового обучения предполагали широкое общее образование.

Что касается вопроса реализации идеи трудовой школы на Среднем Урале, то обе противоборствующие стороны столкнулись с одинаковыми проблемами: послевоенная разруха, голод, эпидемия тифа, финансовые проблемы и отсутствие кадров учителей. Причем большевики сами обостряли кадровую проблему, отлучая от школы учителей по идеологическому принципу. До второй половины 1919 года работники образования подвергались репрессиям в относительно малой степени, им переставали платить зарплату, увольняли с работы и т.п. В колчаковский период кадровый вопрос был решен даже лучше, отчасти это объяснялось вынужденным переселением той части учительства, которая на территории занятой красными, лишалась средств к существованию. Процесс создания трудовой школы начался на Урале только в 1924 году.

Уральское учительство периода гражданской войны с энтузиазмом воспринимало новые теоретические подходы. Однако главной его проблемой была неготовность к новым подходам и методам в обучении и воспитании. В статье «Школьные недуги», опубликованной в газете «Наш Урал» апреле 1919 г., автор – школьный учитель, подчеркивая великую роль реформирования школы, с горечью отмечает: «Но в душу закрадываются тяжкие сомнения, нет веры в то, что школа сумеет выполнить эту задачу. Надо быть правдивым и откровенным, и сказать прямо, что в массе учительство не подготовлено к этой великой работе, она ему не по силам. В нем сильны привычки и традиции прошлого... В последние дни в заседаниях Педагогических Советов многих учебных заведений обсуждались результаты работы школы за истекшее полугодие. Выяснилось, что в большинстве учебных заведений наблюдается

отсутствие дисциплины и малая успешность. Как всегда стали искать причины этих явлений, и стали обсуждать вопрос о мерах, способствующих поднятию успешности и дисциплины среди учащихся.

Результаты этих обсуждений были довольно неожиданны.

Постановлениями Педагогических Советов ... было удалено довольно значительное количество учащихся; так в реальном училище удалено шесть человек, с правом держать экзамен весной; в мужской гимназии процент исключенных еще больше».

Автор делает вывод, что в школах все осталось по-старому. Методы воздействия, освященные обычаем, те же, что и раньше. «Это с одной стороны, а с другой, мы не в состоянии, не в силах придумать иные способы воздействия, мы так боимся всего нового, и так мало знакомы с новыми течениями в области школьного дела» (8).

Колоссальные трудности гражданской войны, усиленные крайним падением учебной дисциплины и невозможностью методической переподготовки учителей, сплошь и рядом приводили к деградации даже того положительного, что было в школе раньше.

Один из важнейших теоретических и практических вопросов педагогики – вопрос единства школы.

Социальное разнообразие и сословность российского общества порождали множество типов и видов школ. Отечественные педагоги, задолго до 2017 года, считали отсутствие единства школы серьезным недостатком, порождающим разобщенность и разрыв преемственности между различными типами и ступенями школы. Единство виделось в построении единой общеобразовательной вертикали: от дошкольных учреждений до высшего учебного заведения.

Наркомпрос РСФСР трактовал принцип единства школьной системы как возможность равного доступа к образованию трудящихся классов, по единым программам под руководством пролетарского государства. Единство школы означало крайнюю степень огосударствления. Не только частные лица, но и церковь, и местные власти теряли право на создание школ и управление ими. Как и многие другие стратегические положения внутренней политики, эти изменения полностью отрицали первоначальные лозунги большевиков о свободной и децентрализованной школе.

Первоначально МНП правительства А.В. Колчака пыталось осуществить принцип децентрализации управления образованием на практике. Ни к чему хорошему, в условиях гражданской войны это привести не могло. По мнению самих педагогов на местах «...жизнь властно требовала какого-нибудь органа регулирующего и объединяющего деятельность школьных учебных заведений...» (9). Поэтому «...по распоряжению правительства возникает учебный округ с «попечителем округа» во главе. При словах «округ», «попечитель» у многих как призраки, встают воспоминания недавнего прошлого со всеми его несправедливостями и уродливостями» Округ переименовывается в канцелярию уполномоченного министерства народного просвещения, но чем отличается уполномоченный от прежнего попечителя?

При существовании всякой центральной власти подобные функции неизбежно возлагались, и будут возлагаться на ее местных представителей. Гораздо интереснее другой вопрос: какова степень и характер вмешательства представителя центральной власти в местную жизнь, а также степень обратного влияния периферии на центр.

Согласно временным правилам Сибирского правительства «непосредственное заведование учебными заведениями возлагается на педагогические советы. Педагогические советы состоят из учебно-воспитательного персонала соответствующего учебного заведения, представителей городского и местного самоуправления, родительских организаций, (не более одной трети общего числа членов совета). Все это лица выборные от соответствующих организаций. Все это конечно является плюсом, с точки зрения демократизма. Однако **все** дела о выборах требуют заключения уполномоченного в министерство» (10). Налицо демонстративная опека и стремление к построению вертикали образования. Как далеко зашли бы эти перемены предположить трудно, но одинаковые тенденции, порожденные временем и социальным заказом очевидны.

Принципиально важно проследить, каким же образом новые теоретические и методические положения трансформировались в содержание образования, в учебные планы и программы. Вполне понятно радикальное отличие учебных планов царской и советской России. В новых планах отсутствуют древние языки и Закон Божий. В декабре 1917 года был опубликован приказ наркома общественного призрения А.М. Коллонтай, который придал этой дисциплине в подведомствен-

ных наркомату учебных заведениях факультативный характер, установив, что «никакого принуждения в посещении уроков Закона Божия больше допущено быть не может». Последовательное осуществление советской властью государственного управления школой вело к унификации и программ, и учебников, и методов преподавания.

На обучение родному языку в классической дореволюционной гимназии выделялось в среднем 47 часов в год, а в советской школе — только 23 часа. Вместе с тем, на предметы естественнонаучного цикла в советской школе выделялось 45 часов, в то время как в дореволюционной гимназии - 28 часов. Этот крен во многом обусловил последующие успехи советской школы, сумевшей в короткие сроки подготовить необходимые кадры для осуществления масштабной программы индустриализации страны. Нам представляется, что именно в этом выборе кроется главная заслуга новой власти и один из важнейших источников ее последующих успехов в сфере образования и в экономическом подъеме.

Содержательные реформы МНП правительства А.В. Колчака развивались в русле традиционной дореволюционной школы. Основное внимание уделялось гуманитарным знаниям, истории, русскому языку, а также географии. Недостатки методики обучения и воспитания отчасти объяснялись в обоих лагерях теми военными причинами, на которые мы указывали ранее.

Безусловно, классно-урочная система превалировала в методике обучения МНП. Вместе с тем, достаточно краткий, с исторической точки зрения, период «творческих метаний» красного учительства привел к некоторой модернизации того же классно-урочного подхода. Новые методы, даже активно поддерживаемые советской властью, приживались крайне слабо и имели только локальный успех.

Коренное отличие в содержании образования кроется в идеологическом подходе к обучению и воспитанию Наркопроса, и общечеловеческом подходе, с элементами духовного (православного) образования МНП. Провозглашая демократию как волю большинства, власть большевиков возродила прежнюю традицию подчинения школы правящему классу. Как тут не вспомнить слова того же профессора Н.Е. Румянцева - «наша школа никогда не была научной, а всегда спекулятивной, служа интересам того или иного из командующих классов...» (11).

В заключение мы отмечаем, что в основе и политики Наркомпроса и действий МНП правительства А.В. Колчака лежали принципы и подходы, уже сформированные отечественной педагогикой в дореволюционный период. Военная и политическая победа советской власти предопределила дальнейшую жизнь одних методов и подходов и уход в историческую лету других. Обе власти прекрасно осознавали важнейшую роль образования и боролись за собственные представления о будущем России, которое и должно было быть выковано в школах – колыбелях той гражданственности, которую определяет правящий класс.

В рассматриваемый период переустройство жизни на новых началах предполагало ломку старого и противоречивость вновь устанавливаемых взаимоотношений. Как везде и во всем гражданская война сказывалась и на образовании. В этой войне не было победителей. Проиграла Россия, ибо вместе с разрухой, доходящим до людоедства голодом, колоссальными потерями эта война принесла стране, может быть, самое страшное — раскол общества на «своих» и «чужих». Раскол, не изжитый до сих пор, наносящий урон даже самой истории страны. Истории, в которой не принято чтить российских новаторов, героев и мучеников, если их реформы, подвиги и мучения не совпадают с позицией расколотой надвое памяти.

Литература:

1. Тесовский Д. Характер, основы и задачи новой школы //Новая школа. Журнал независимой общественно-политической мысли. 1918. №3. С.9.
2. Падение царского режима // Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Щёголев Павел Елисеевич. Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. 6. С. 26.
3. Кальсина А.А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и правительства А.В. Колчака в области школьной политики // Педагогическое образование в России. 2009. №2. С. 122.
4. Яковлева В.В. Реформирование отечественного образования в контексте филиации идей в первой трети XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пермь, 2004. С.33.
5. Наш Урал. 1919. 1 (19) апреля
6. Там же.
7. Там же
8. Наш Урал. 1919. 4 (22) апреля.

9. Наш Урал. 1919. 3 (21) апреля.

10. Там же

УДК 908

ГСНТИ 03.01.45

ВАК 07.00.02

В. М. Кузнецов

Челябинск

**МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В СВЕТЕ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО СТАНДАРТА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новейшая история, революция, стандарты и программы, учебная литература, Челябинская область, краеведение

АННОТАЦИЯ: обосновываются подходы к разработке регионального историко-культурного стандарта по изучению на уроках исторического краеведения революционных событий 1917–1918 гг. на Южном Урале, который включает понятия и термины; персоналии; события и даты; основные документы; трудные вопросы региональной (локальной) истории.

V. M. Kuznetsov

Chelyabinsk

**MODEL STUDY OF THE EVENTS OF THE PERIOD OF THE GREAT
RUSSIAN REVOLUTION IN THE SOUTH URALS IN THE LIGHT OF
THE DEVELOPMENT OF REGIONAL HISTORICAL-CULTURAL
STANDARD**

KEY WORDS: contemporary history, revolution, standards & programs, textbooks, local history, Chelyabinskregion

ABSTRACT: are substantiated approaches to the development of the regional historical and cultural standard for the study of the lessons of local history of the revolutionary events of 1917–1918in the Southern Urals, which includes concepts and terms; personalities; events and dates; key documents; difficult questions of the regional (local) history.

Великая российская революция 1917 г. по своим масштабам и силе воздействия на общемировые процессы признается одним из важнейших событий истории XX века. В Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории подчеркивается необходимость многоуровневого представления истории, что будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентич-